

ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФИИ КРИЗИСА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

О.К. Шиманская

Статья разрабатывает актуальную проблему формирования принципов философии кризиса в истории русской философии. Впервые принципы философии кризиса цивилизации и культуры были оформлены неославянофилом Н.Я. Данилевским. Кризисное состояние российского общества было названо им «европейничаньем». Обосновывая кризисное состояние России во второй половине XIX в., Данилевский разрабатывает учение о культурно-исторических типах и предлагает свой вариант выхода из кризиса в создании Славянской цивилизации. В статье показано, что Данилевский вскрывает параметры социокультурного кризиса и описывает возможные варианты его развития и разрешения, не потерявшие актуальности для социальных наук и общественно-исторических процессов сегодня.

В 2006 году отмечалось 150-летие завершения Крымской войны (1853–1856), события, ставшего одновременно и национальным унижением для России и вершиной героизма участников обороны Севастополя (сент. 1854 – авг. 1855). Крымская война показала невозможность дальнейшего существования феодально-крепостнической системы, привела к буржуазным реформам эпохи Александра II, стала отправным пунктом творчества выдающихся мыслителей XIX века: Л.Н. Толстого, Н.Н. Страхова, К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского и др.

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) – неославянофил, один из интереснейших отечественных мыслителей, проявивший себя в различных отраслях науки – естествознании, философии, социологии, а также на государственной службе. Как социальный мыслитель, он подходит с междисциплинарной точки зрения к решению глобальных общественно-исторических проблем. Это в полной мере реализуется в самом известном произведении Н.Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому» (1871). Совершенно справедливо Г. Гачев утверждает, что «Данилевский дитя Крымской войны» [1, с. 37], разбудившей наш патриотизм и положившей начало новому этапу формирования национального самосознания. Одним из его аспектов была критика европоцентризма и создание концепции культурно-исторических типов – первого разработанного учения о локальных цивилизациях, в котором противоречивость русской пореформенной жизни обрела: «форму синтеза трудносоединимых вещей – новой науки, ее благ и традиционно-теологической идеологии, идеи богоизбранности власти, социально-политического строя и мессианской роли русского народа» [12, с. 31], – делает вывод современный исследователь К.В. Султанов.

Н.Я. Данилевский остро ставит проблему «Россия и Европа», не только заявив о враждебности Европы по отношению к России, но и указав сущностные причины этой враждебности. Он осознает кризис российской цивилизации, необратимость тех процессов в российской действительности, свидетелем которых он является, и оценивает как потерю бытийности для России. По мнению философа, Россия тяжело больна, со времен Петра I она поражена «европейничаньем». «Европейничанье» проявляется в нескольких формах. Во-

первых, это искажение, порча народного быта, подмена его, что в совокупности обуславливало извращение всего внутреннего строя национальной жизни. Во-вторых, это бездумное заимствование различных иностранных учреждений. В-третьих, это рассмотрение как внешней, так и внутренней национальной политики через «европейские очки», забота о европейском интересе более чем о своем собственном. «Вместо одобрения народной совести, признали мы нравственным двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, униительно-тщеславное удовольствие от ее похвал» [2, с. 248], – с возмущением констатирует Данилевский. Постоянное следование европейским интересам и умаление собственных приводят к крушению равновесия сил в Европе в середине XIX столетия в ходе решения Восточного вопроса и к Крымской войне, в которой коалиция европейских государств выступила против России. Данилевский констатирует как кризис системы международных отношений, так и всесторонний, социокультурный кризис, тяжелую внутреннюю «болезнь» российской цивилизации, пораженной прогрессирующим «европейничаньем».

В этой связи необходимо выяснить, какой смысл вкладывается в общеупотребительное на сегодняшний день понятие «кризис». Существуют различные подходы к его определению. Оно имеет греческое происхождение и означает суд, разбор, приговор. Философ Н.И. Лапин дает определение: «В самом общем виде кризис есть нарушение прежнего равновесия и в то же время переход к новому равновесию» [6, с. 10–11]. Социальные науки различают стабильное и кризисное состояние общества. Первое означает устойчиво воспроизводящийся порядок. Второе служит способом движения социальной системы от прежнего состояния, через дезинтеграцию и конфликт, к новому состоянию. В ходе своей эволюции любое общество неоднократно проходит динамический цикл «стабильность – кризис – новая стабильность». Сегодня в общественных науках кризис рассматривается как один из переходных процессов в социальных системах. Кризис системы наступает, если ее изменения столь значимы, что основополагающие параметры принимают пороговые, критические значения. Степень организованности системы резко снижается, и вероятность возвращения к прежнему стабильному состоянию невелика [8, с. 187]. Кризис культуры, в свою очередь, такое состояние, при котором, с одной стороны, человеческая деятельность продуцирует новые формы реальности, не обеспечивая при этом эффективной адаптации к ним, с другой стороны, парализуется сам процесс создания новых ценностей, соответствующих изменению социоприродной ситуации. Конкретные причины культурного кризиса могут быть различными. Поэтому, считают Н.И. Сербенко и А.Э. Соколов, «есть смысл говорить не столько о «кризисе культуры», сколько о типах такого кризиса» [11, с. 39].

Впервые проблема социокультурного кризиса как в Европе, так и в России была проанализирована Н.Я. Данилевским. Он не видел возможностей выхода из кризиса для Европы, поддерживая славянофильское утверждение о «гниении Запада» и утверждая исчерпанность путей развития европейской цивилизации и ее скорую гибель. Для России же характерен такой тип культурного кризиса, как «европейничанье», блокирующее создание общеславянской культуры и ценностей. Но все-таки еще есть возможность, убежден наш философ, выхода российского общества из кризисного состояния через осознание своей культурной самобытности и возможностей ее укрепления. Принципы философии кризиса и контуры возможной стабилизации были сформулированы Н.Я. Данилевским в

учении о культурно-исторических типах, которое явилось, по утверждению С.Н. Пушкина, «концептуальным завершением большинства историософских взглядов ранних славянофилов» [9, с. 133–134]. Поэтому, давая общую оценку «России и Европе», Н.Н. Страхов называл ее «целым катехизисом, или кодексом славянофильства» [13, XXVIII].

Рассматривая вслед за ранними славянофилами проблему взаимоотношений России и Европы, Данилевский утверждает, что слово «Европа» имеет не географический, а культурно-исторический смысл. «Европа есть поприще германо-романской цивилизации... Европа есть сама германо-романская цивилизация. Оба эти слова – синонимы» [3, с. 48], – заявляет он. Главную угрозу со стороны Европы для России Данилевский усматривал не в политическом, а в культурном подчинении европейскими государствами государства Российского. Объявляя Европу общечеловеческой цивилизацией, западные политики навязывают свои ценности и образ жизни, с целью подчинения Европе других народов. И в этой связи Данилевский вскрывает «истинный смысл навязчивого агрессивного западно-европейского мессианизма» [5, с. 137], – пишет В.В. Зеньковский. Россия «весьма трудно преодолимое препятствие» для выдающей себя за общечеловеческую европейской цивилизации. По убеждению Данилевского, неверно и опасно отождествлять судьбы Европы с судьбами всего человечества.

По Данилевскому, европейская и славянская цивилизации формировались на совершенно разных исторических и религиозных основаниях: «Наследниками Рима явились германцы, наследниками Византии – славяне» [3, с. 260]. Отсюда дихотомия Европы и России, насильственности и терпимости, истины православия и лжи религиозно-нравственных основ католицизма. Европа не признает Россию, утверждал Данилевский, и не принимает в семью своих народов, видя в ней чужое и враждебное начало, ибо Россия не поддается ассимиляции, ее нельзя лишить независимой самобытной жизни. Несмотря на то что с петровских реформ Россия во многом «перевернута на иностранный лад», все же русский народ «одарен замечательным политическим смыслом», готов принести в жертву государству свои личные блага, у него соборный элемент доминирует над индивидуальным. И самое главное, только в православии находит выражение подлинный интерес русских людей, которые вместе с другими славянами и греками – единственные хранители религиозной истины.

По роду деятельности Данилевский был биологом-практиком, однако его творчество дает нам возможность утверждать, что он является представителем русской религиозной философии, который в условиях роста авторитета позитивного знания обосновывает свои религиозные позиции, прибегая к естественно-натуралистическим параллелям. Поэтому убедителен вывод Л.И. Новиковой и И.Н. Сиземской, что следование естественно-научному подходу «делало Данилевского по сути человеком другой формации по сравнению со славянофилами» [7, с. 169], он оставался верен эмпирическому подходу не только в естествознании, но и в философии.

Опыт естествоиспытателя и убеждения религиозного мыслителя привели к развернутой полемике Н.Я. Данилевского с дарвинизмом, обобщенной в незавершенной монографии «Дарвинизм. Критическое исследование» (1885). Подытоживая свои естественно-научные взгляды, Н.Я. Данилевский стремился опровергнуть эволюционную теорию Дарвина. Он определяет себя как

антидарвинист, поясняя, что у дарвинизма есть несомненные достоинства в области положительного знания, но «учение это содержит в себе особое мирозерцание, высший объяснительный принцип, не для какой-нибудь частности, хотя бы и самой важнейшей, но для целого миростроения, объясняющий собой всю область бытия» [4, с. 4], – с чем согласиться нельзя.

Данилевского беспокоил «фантастический успех» дарвинизма. Объясняя эту популярность преимущественно кризисом нашей отечественной цивилизации, Данилевский рассматривал дарвинизм в России как одно из проявлений «европейничанья» – хронической болезни проевропейски настроенной части русского общества. Он отказывал учению Дарвина в научной фундаментальности, утверждая, что дарвинизм – «учение гипотетическое», основывающееся на формальном развитии мысли, а не на данных естественно-научных наблюдений и экспериментов. По его мнению, Ч. Дарвин решает две разнородные задачи: собственно научную, биологическую, исследующую вопрос о происхождении разнообразных органических форм, и общефилософскую, решающую проблему целесообразности в природе. В изложении своих взглядов автор «Дарвинизма», выступая с критикой единого для всего органического мира эволюционного закона, опирался главным образом на общефилософские воззрения своего наставника К.М. Бэра и Ж. Кювье. Однако его методологические конструкции основываются не только на идеях додарвиновской биологии, но и религии. Он резко выступал против того, что дарвинизм с его естественным отбором, борьбой видов и случайностью объясняет целесообразность в природе, «не прибегая к посредству идеального начала». Его беспокоило, что учение Ч. Дарвина, разрушая «научное доказательство» существования идеального в природе, упраздняло религию. Только наличие идеального начала позволяет, по Данилевскому, объяснить целесообразность в природе и во всем мироздании. Поэтому в «Дарвинизме» активно защищается телеологическая концепция природы – фундамент религиозно-философского мировоззрения Данилевского.

Опровергая учение Дарвина о естественном отборе, он объяснял происхождение видов деятельностью высшего разума. Спор между ним и Дарвиным – спор о признании «верховным мировым принципом» разумности или случайности. Природа, по Данилевскому, есть совокупность неизменных животных и растений – завершенное провиденциальное творение. Рассматривая живые организмы как целостные системы, он, в отличие от Дарвина, стремился показать, что изменения в них происходят по имманентным законам, а потому воздействие внешней среды не может быть определяющим.

Он утверждал: виды – это первобытно-самобытные феномены. Не смешиваясь, они постоянно колеблются вокруг заданной свыше «нормы», образуя все многообразие жизненных проявлений, и эволюция одного вида в другой под воздействием окружающей среды невозможна, как невозможно и происхождение человека от животного. В «Дарвинизме» обосновывается, что совершенствование видов в борьбе за существование сразу же нейтрализуется их стихийным скрещиванием. Ведь при доминировании естественного отбора природа, по мнению Данилевского, была бы представлена исключительно самыми совершенными представителями видов. В философии природы Данилевский выступает в большей мере религиозным философом, в то время как философия истории рассматривается им, прежде всего через призму естественно-научных взглядов.

Своеобразный религиозно-философский эсхатологизм, кризисное сознание, зафиксированное в «России и Европе» обосновывается натуралистически. Исходя из того, что нет всеобщих законов развития природы, нет и единой концепции развития общества, потому что каждая культура органически принадлежит как природе, так и духовному миру. В «России и Европе» Данилевский формулирует новаторскую теорию всемирной истории – учение о культурно-исторических типах, доказывая, что субъектами истории являются культурно-исторические типы, а не человечество. Поэтому не верна линейная схема исторического процесса, деление истории на древнюю, среднюю и новую. По Данилевскому, она является искусственной, когда история Европы выдается за историю человечества и в качестве общечеловеческой европейцы предлагают другим народам свою систему ценностей. Господствующий в историческом сознании европоцентризм вызывает особое негодование нашего мыслителя. И он предлагает естественную систему группировки исторических явлений, «при которой принимаются во внимание все их признаки, взвешивается относительное достоинство этих признаков, и предметы располагаются между прочим так, чтобы входящие в состав какой-либо естественной группы имели между собою более сродства, более сильную степень сходства, чем с предметами других групп» [3, с. 44]. Требованиям естественной системы отвечало деление истории на последовательно сменяющие друг друга культурно-исторические типы.

Он определяет культурно-исторические типы как целостные совокупности характерных элементов как духовной, так и материальной жизни этноса, которые проявляются в религии, социально-экономических, политических и других отношениях и могут быть поняты только в своем внутреннем единстве и циклическом развитии. В истории существовало множество культурно-исторических типов, во второй половине XIX в. действуют достигший расцвета романо-германский и зарождающийся славянский. Каждый культурно-исторический тип проходит три периода развития: этнографический, государственный и цивилизационный, цикл жизни, укладывающийся приблизительно в 1500 лет, после чего он вступает в «апатию отчаяния» или «апатию самодовольства» и гибнет.

По утверждению Данилевского, ко второй половине XIX века романо-германский культурно-исторический тип достиг своего расцвета – стадии цивилизации. За ним последует неизбежная гибель Европы. Предчувствуя наступающую гибель, романо-германский культурно-исторический тип становится особенно агрессивным, стремясь подчинить себе находящиеся в стадии роста цивилизационные образования. К ним относится Россия. И противоречия между Европой и Россией, убежден Данилевский, это не борьба прогресса и застоя, а противостояние увядающей старости и растущей молодости. Прогресс и застой – это возрастные характеристики, когда зрелая цивилизация, прогрессируя, достигает стадии плодоношения. Прогресс человечества находит выражение не в постоянном накоплении материальных и духовных ценностей, а в многообразии выражения человеческого духа. Славянский же культурно-исторический тип возникает на четыре столетия позже европейского, и его основные достижения в будущем. Ни один культурно-исторический тип не может бесконечно прогрессировать: «прогресс, – пишет автор «России и Европы», – состоит не в том, чтобы все шло в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся» [3, с. 73].

Поступательное историческое развитие не прекратится при условии освоения новых направлений социоприродного творчества. Это же возможно при последовательной смене цивилизаций. В определении прогресса Данилевский исходит из идеи конечности любого органического образования определенным жизненным циклом.

Данилевский не был противником преемственности и взаимовлияния культур. Синхронное и диахронное межкультурное взаимодействие рассматривается им как возможный выход социокультурной системы из кризисного состояния. Сегодня в социальных науках среди возможных вариантов разрешения кризиса системы выявлены следующие три модели. Во-первых, распад или гибель системы; при этом ее элементы захватываются другими системами. Во-вторых, реформа – постепенная перестройка ядра, генотипа системы, ведущая к появлению качественно новой системы. В-третьих, революция – резкое, скачкообразное изменение ядра системы, катастрофический переход из одного состояния в другое.

Автор «России и Европы», исследуя формы межкультурного взаимодействия, по сути, выделяет названные варианты выхода из кризиса. Подразделяя цивилизации на уединенные и преемственные, философ говорит о трех видах взаимодействия преемственных цивилизаций, таких как пересадка, прививка и удобрение. Пересадка цивилизации обычно осуществляется посредством колонизации, когда самобытная культура колонизованных народов гибнет. Народ, подвергшийся прививке, превращается в материал для чужеродной цивилизации. И только удобрение способствует развитию самобытных духовных основ удобряемого народа. «Только при таком свободном отношении народов одного типа к результатам деятельности другого, когда первый сохраняет свое политическое и общественное устройство, свой быт и нравы, свои религиозные воззрения, свой склад мысли и чувств, как единственно ему свойственные, – одним словом, сохраняет свою самобытность, – может быть истинно плодотворно воздействие завершенной или более развитой цивилизации на вновь возникающую» [3, с. 85] – делает вывод Данилевский.

Социальные кризисы неизбежно провоцируют всплеск и обострение кризисного сознания. В противоположность кризисному сознанию, исследователи выделяют стабилизационное сознание, выражающее стремление к укреплению духовных основ культуры и общественного порядка [2, с. 5]. Согласно Ю.Н. Давыдову, в противоположность кризисному, изначально тяготеющему к иррационализму, стабилизационное сознание тесно связано с верой в разум и соответственно с той или иной формой рационализма. Упрочению стабилизационного сознания и внедрению его в фундамент философии в XIX в., несомненно, способствовал позитивизм О. Конта. Определенная же противоречивость взглядов Н.Я. Данилевского заключается, на наш взгляд, в попытке органического соединения в учении о культурно-исторических типах кризисного и стабилизационного сознания. Он обосновывает кризисное состояние российского общества и предлагает возможный выход из него. В организмической теории Данилевского совпадает оптимизм естествоиспытателя, способного преобразовывать мир с опорой на разум, и оптимизма христианина, убежденного в грядущем спасении.

Однако, по логике Данилевского, это спасение возможно в исторической перспективе на земле, если русские, осознав свою провиденциальную миссию, будут способны создать вместе с другими православными народами Славянский

культурно-исторический тип. Россия, уверен Данилевский, не может считаться составной частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению, что: «ей предстоят только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать особую, самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения – быть ничем» [3, с. 337]. «Европейничанье» может быть преодолено: во-первых, потому что Европа гибнет, и в первую очередь из-за лжи католицизма, следствием которого является секуляризация, а крайним выражением ее – дарвинизм; во-вторых, русские обладают способностью к самоотречению, воспитанному православием, на основе которого, в соединении с сильной государственностью и освобожденным крестьянством, должен быть создан славянский культурно-исторический тип. И если предшествующие ему культурно-исторические типы раскрывали одну, европейский две стороны культурного творчества, то славянский будет способен раскрыть все четыре: религиозную, культурную, политическую, общественно-экономическую – предрекает Н.Я. Данилевский, видя в осуществлении этой задачи выход из кризисного состояния не только для России, но и возможность для развития будущих культурно-исторических типов.

Проблематика кризиса может рассматриваться как одна из основных в философии XIX–XX вв. К ней обращались многие представители западноевропейской философии – Ф. Ницше, Э. Гуссерль, О. Шпенглер, А. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс и др. Особое место уяснение состояния кризиса цивилизации и культуры занимает в творчестве представителей русской религиозной философии: Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева и др. Можно утверждать, пишет Т.Ю. Сидорина, что «все русские мыслители в той или иной степени обращались к проблеме социокультурного кризиса. При этом для работ русских мыслителей свойственны определенные тенденции в оценке кризиса, особенности восприятия и подхода к рассмотрению проблемы, обусловленные собственно российскими реалиями» [10, с. 246]. Обращаясь к теме кризиса, русские мыслители говорят об исторических судьбах России, предлагают пути преодоления кризиса, рисуют возможные перспективы. Впервые же принципы философии кризиса были сформулированы в творчестве Н.Я. Данилевского, вызвав последующую дискуссию по этой не потерявшей актуальности и в начале XXI века проблеме.

Л и т е р а т у р а

1. Гачев Г.Д. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. М., 1991.
2. См., например: Давыдов Ю.Н. Стабилизационное сознание в век кризиса: его основополагающие категории // История теоретической социологии. Т. 3. М., 1999.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. СПб., 1995.
4. Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Т. 1. СПб., 1885. Ч. 1.
5. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1955.
6. Лапин Н.И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. 1992. № 1.
7. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1997.

- 
8. Плотинский Ю.М. Теоретическая и эмпирическая модели социальных процессов. М., 1998.
 9. Пушкин С.Н. Историософия русского консерватизма XIX века. Нижний Новгород, 1998.
 10. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса: Учебное пособие. М., 2003.
 11. Сербенко Н.И., Соколов А.Э. Кризис культуры как исторический феномен (в концепциях Н. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина). // Философские науки, 1990. № 7.
 12. Султанов К.В. Социальная философия Н.Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. СПб., 2001.
 13. Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского. Россия и Европа. СПб., 1995.

The article «Principles of the philosophy of crisis in the works by N. Ya. Danilevsky» deals with the important issue of the formation of the principles of the philosophy of crisis in the history of Russian philosophy. Neo-Slavophile N. Ya. Danilevsky was the first to formulate the principles of the philosophy of the crisis of civilisation and culture. He referred to the crisis state of the Russian society as «Euroimitation». In substantiation of his view that in the second half of the 19th century Russia was in the state of crisis Danilevsky develops a doctrine of the culturo-historical types and proposes solving the crisis by establishing the Slavic civilisation. The article shows that Danilevsky identified the characteristics of the socio-cultural crisis and described the possible scenarios for its development and solution which are still relevant today in the context of social studies and public and historical processes.